

неиз-
детел-
ство И
«бохох»
есть
неизг-
омен
ован
даж

Не читать!

Г-н Гюстав Флобер

Воображению моему представилось, что внезапно умирает какой-нибудь академик, — имен я не называю, ведь все «бес- смертные» смертны, — и что г-н Флобер, охваченный неожидан- ным возбуждением, выстав- ляет свою кандидатуру во Фран- цузскую Академию. Самый безу- пречный человек подвержен не- предсказуемым слабостям, не- здоровым и чрезмерным аппети- там.

Г-н Флобер наносит академи- кам обязательные визиты. Г-н Гизо¹ пытается у него, в чем его кредо, г-н Вильмен² с важным видом подшучивает над ним, г-н де Ламартин³ берет его за руки и обливается слеза- ми умиления, г-н Вьенне⁴ вооб- ще не желает его узнавать.

Тогда он отправляется к г-ну Дезире Низару⁵. В передней он велит доложить о себе, ждет добрую четверть часа и наконец- то допускается в кабинет про- славленного критика.

Высокий и худой г-н Низар, тщательно причесанный и обла- ченный в аристократический до- машний халат, любезно припод- нимается с кресла и вопроситель- но смотрит на вошедшего. По правде говоря, на его утончен- ные нервы г-н Флобер производ- ит неприятное впечатление; это красное, слегка рябоватое лицо, эти круглые глаза навывате, эти пышные усы, вся эта дородная и почти ничем не примечатель- ная фигура заставляют г-на Ни- зара на мгновение подумать, что перед ним стоит богатый торго- вец лошадьми из Нормандии.

— Господин Низар, — начи- нает визитер, — Меня зовут Гю- став Флобер, я хочу стать чле- ном академии и пришел про- сить вашего содействия при го- лосовании.

— Весьма похвально... Не соб- лаговолите ли присесть?

Г-н Низар: Какие же у вас на- то основания?

Г-н Флобер: Какие основания? Я — романист, опубликовал два произведения.

Г-н Низар (презрительно): Ро- манист, вы сказали? И как же на- зываются ваши штучки?

Г-н Флобер: Штучки мои на- зываются «Госпожа Бовари» и «Саламбо».

Г-н Низар: Ах да, припомни- наю... Но все это — легкая ли- тература...

Г-н Флобер: Простите, но каж- дому произведению я посвятил по десять лет исследований и труда...

Г-н Низар: Неважно, такие книги я называю легкой ли- тературой... Расскажите мне немно- го о себе.

Г-н Флобер: Мне сорок пять лет. Я вышел из семьи известных врачей и сам начинал с изуче- ния медицины. Позднее лирика вцепилась мне в волосы; Байрон и Гюго чуть было не сбили меня с толку. Но будучи мудрее моего друга Луи Буйе⁶, я сумел во- время вырваться из ласковых объятий Музы, оставив в ее ру- ках только пальцы моего пальто. И с тех пор мою любовью стала лишь суровая действительность.

Г-н Низар: Ваши слова слиш-

ком образны. Должно быть, ро- маны ваши не достигают спокой- ного и ясного величия классиче- ских творений.

Г-н Флобер (нетерпеливо): Я уже имел честь сообщить вам, г-н Низар, что принадлежу сво- ей эпохе. Я болею всеми ее бо- лезнями и пороками, обладаю ее болезненной чувствительностью и ненасытной любознательно- стью. Я любовно изучал факты, не пропуская ни одного, во всей их достоверности; я поместил определенных личностей в опре- деленную среду, и единственной моей заботой было показать, что происходит при столкновениях вещей и людей. По моей мысли, «Госпожа Бовари» представляет собой всего-навсего исследова- ние индивидуального темпера- мента женщины, которая разви- валась в отупляющем одиноче- стве провинции.

Г-н Низар: Я что-то не улавли- ваю... Какие еще у вас основа- ния?

Г-н Флобер (не слушая его): Впрочем, я не намерен скрывать этого от вас — Саламбо являет собой не что иное, как ту же госпожу Бовари, только наря- женную в одеяние карфагенянки. Разные цивилизации порождают различные пороки. Поместите Саламбо между аптекарем Омэ и бедным сельским врачом Шар- лем Бовари, и, вместо того что- бы отправиться в палатку вождя наемников Мато, она придет в комнату Леона, клерка у адвока- та. Я простой анатом, который рассекает людей и факты; плоть их зачастую одна и та же, но мне нравится обрывать ее в раз- ные тряпки.

«Флобер-подросток». Портрет работы ДЕЛОНЕ.

Г-н Низар: Какие еще у вас основания?

Г-н Флобер: Еще основания? Вы настаиваете на моих основа- ниях? Я образован, весьма обра- зован... Я превосходно изучил античных классиков. Позднее я овладел всеми знаниями архео- логии; я отправился в Африку с единственной целью осмотреть руины Карфагена.

Г-н Низар (ласковым голосом): И написали хороший большой труд, очень толстый и довольно трудно читаемый? Значит, вы — из наших.

Г-н Флобер: Совсем нет, я на- писал «Саламбо». Мою ученость резко критиковали в «Современ- ном обозрении», но я еще резче ее защищал... Разве этого недо- статочно? Тогда скажу вам, что «Госпожу Бовари» чуть было не приговорили к сожжению за оскорбление общественной нрав- ственности. Мне известно, что в академии любят гонимых. К со- жалению, мне не довелось отси- деть месяц в тюрьме, подобно г-ну Прево-Парадолю⁷.

⁷ Прево-Парадоль, Люсьен Анатоль (1829 — 1870) — фран- цузский публицист.

ТРИ ЭССЕ

Мир. Россия, 1980, 28 марта

Г-н Низар (ледяным тоном): И что же из этого следует, г-н Флобер?

Г-н Флобер: Выслушайте ма- ня. Сейчас я работаю над кни- гой — увя! это опять роман, — в которой изучаю современное общество. Дошел примерно до половины. Совсем недавно я по- бывал в Шартре, чтобы собст- венными глазами увидеть место действия, куда я поместил эпи- зоды своей драмы. Никогда я не привожу зря ни одной детали; пишу я медленно, все рисую с натуры, как человек, который ни- куда не спешит и может обой- тись без гонимых издателей. Я созерцательная натура, коче- вник, живущий то тут, то там — в Руане или где-либо еще, — но редко бываю в Париже. Я трачу неделю, если это требуется, что- бы написать страницу, ибо за- бочусь лишь о точности и прав- дивости.

Г-н Низар: Вся это весьма похвально, но все-таки я не вижу...

Пока г-н Флобер, по-прежне- му движимый своим злокознен- ным желанием, борется с холо- дностью г-на Низара, Истина, спрятавшись в угол кабинета, вслух высказывает все то, что соискатель не может произне- сти шепотом.

«Этот человек, — говорит она, — является одним из самых мощных умов нашего вре- мени. Он сумел создать искус- ство этого века. Его гений ана- литика и художника позволил ему докопаться до самой сути человеческой природы и пока- зать нам ее тайные пружины.

Он принадлежит к семье зна- менитых ученых, которые направи- ли человечество по новой сте- же. Он спустился с пошлых вы- сот банальности и явил нам живую, индивидуальную правду. Это — поэт-химик, художник-ме- ханик, который удовлетворялся рассмотрением фактов психоло- гии и морали, объяснением вза- имоотношений темпераментов и среды.

Придя после Бальзака, он за- нял свое высокое и неповтори- мое место. Хотя он и не сотворил своего целого мира, он все- таки ближе всех показал дей- ствительность. Подобно Шекспиру, Бальзак грешил правдой, прав- дой, умноженной на воображе- ние; Флобер широко раскрыты- ми глазами смотрит на подлин- ную жизнь, мощно и исчерпы- вающе говоря обо всем, что ви- дит.

Поэтому каждое из его созда- ний становится событием. Над ними смеются и издеваются, но они словно сжимают вас желез- ной рукой, заставляя кричать от волнения.

Основания для восхищения им суть основания своеобразно- го и свободного гения.

Вы слышите меня, г-н Низар? Г-н Низар вовсе не желает слушать. Все более холодным голосом он твердит:

— Каковы же ваши основа- ния? Каковы же ваши основа- ния?

И доведенный до крайности г-н Флобер в конце концов вы- паливает:

— Я забыл, что недавно был награжден орденом.

Г-н Низар встает, провожает визитера до двери и, выпрова- живая его, говорит:

— Г-н Флобер, не трудитесь вновь наносить мне визиты. Мои коллеги окончательно решили не принимать в академию тех, кого награждают в других местах: даже у г-на Прево-Парадоля нет ордена.

Я желаю, чтобы эта вообра- жаемая сценка превратилась в кошмар г-на Флобера, если его

когда-нибудь охватит приступ академической лихорадки. Газета «Эвенман», 25 августа 1866 г.

Могила Мюссе

Какой светлый и грустный день! Вчера, 2 мая, я, пройдя бывшим кольцом внешних буль- варов, пришел на кладбище Пер- Лашез. Вечером этого дня по случаю печальной годовщины смерти Мюссе в фойе театра «Комеди франсез» должны были увенчать лавровым венком бюст поэта. Но я, со своими затума- ненными слезами воспоминания- ми, предпочел один пойти поч- тить память того, кто один- надцать лет спит в одиночестве могильного холма.

Мне нравятся кладбища в сол- нечные дни. В голубовато-про- зрачной дымке рядами высятся белые могилы Пер-Лашез. Групп- ки нежно-зеленых деревьев ка- рабкаются на холмы, позволяя сквозя легкое кружево листвы видеть залитые ярким солнцем уголки больших памятников.

Весна благосклонна к этим ти- хим местам, где покоятся наи- любимые мертвецы: она усыпает травой и цветами сырые аллеи, по которым медленно проходят молодые вдовы, наполняет воз- дух теплыми ароматами, придает мрамору памятников матовую, отливающую перламутром белиз- ну. Издали кладбище похоже на огромный букет зелени, в кото- ром там и сям мелькают свет- лые пятна боярышника. Могилы подобны девственно расцветшим купам трав и листвы.

Я неторопливо прошелся по аллеям. Какая чуткая тишина, какой опьяняющий запах, какой теплый воздух, неожиданно про- резаемый порывами прохладно- го ветерка! Чувствуешь, что це- лый народ спит в этой земле, ко- торая, будто живая, тяжело взды- хаet под ногами прохожего. Из- каждых зарослей, из каждой тре- щины в могильных плитах исхо- дит какое-то дыхание, с еле улов- имым шепелом стелющееся над самой землей. В эти часы мер- вые радуются, они согрелись благодарны весне.

Новая зима пронеслась над мраморным Мюссе. Я нашел поэ- та побледневшим, но ставшим бо- лее трогательным. Недавние дож- ди обновили его наряд, сделав нежным и свежим. Солнечный луч скользнул с соседнего куста и упал на тонкий и нервный про- филь поэта. В этом медальоне- барельефе с его вечной улыбкой заключено навевающее грусть изящество.

Перед могилой по-прежнему скорбит плакучая ива, посажен- ная чьими-то благочестивыми ру- ками. Ни разу эта ива, под се- нью которой пожелал покоиться Мюссе, не расцветала мощно и свободно, в полную силу своих соков. Ее желтоватые листья по- нуро свешиваются; ее ветви сте- кают, словно тяжелые, усталые слезы. Наверное, корнями ива высасывает из сердца несчаст- ного покойника все горечи и мер- зости жизни.

Я пришел один, и долго меня никто не отвлекал. Вдали шумел Париж. Здесь слышались только крики птиц, шестлет насекомых, внезапное потрескивание веток на деревьях. Мгновениями мне мерещилось, что в конце аллеи появляются траурные процессии, плачущие люди. Но никого не было. Слезы высыхают быстро, воспоминания улетучиваются, жизнь, боясь смерти, избегает кладбищ.

Лишь какой-то обитатель близлежащего квартала — не- сомненно, мелкий рантье — про- гуливался в домашних туфлях, заложив руки за спину, как добродушный буржуа, аку-

¹ Гизо, Франсуа Пьер Гийом (1787 — 1874) — французский государственный деятель и историк.

² Вильмен, Абель Франсуа (1790 — 1870) — французский критик и историк.

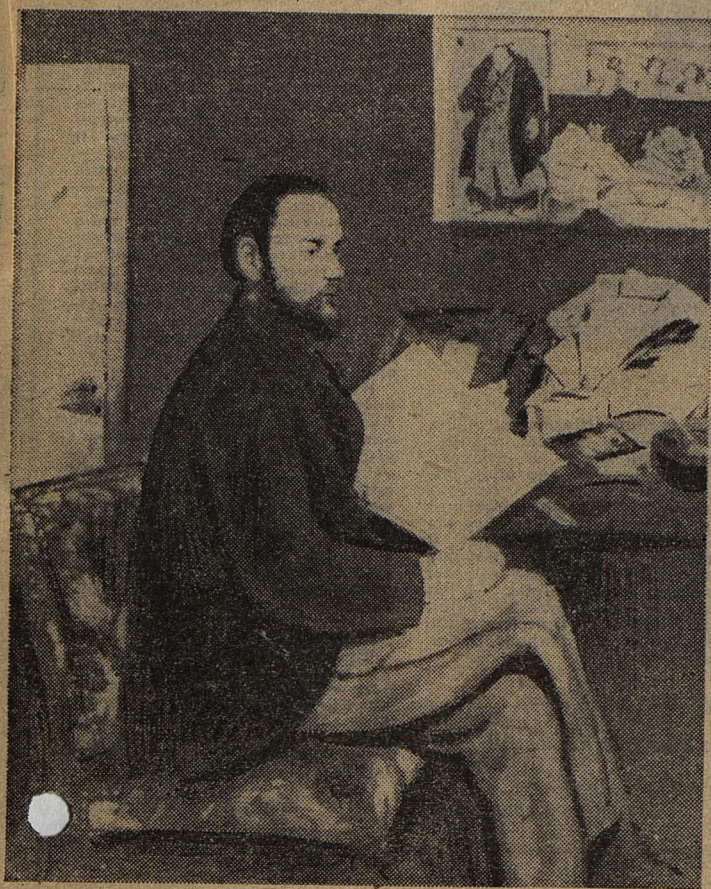
³ Альфонс Мари Луи де Ламартин (1790 — 1869) — фран- цузский поэт-романтик, поли- тический деятель и историк.

⁴ Вьенне, Жан Понс Гийом (1777 — 1868) — французский писатель.

⁵ Низар, Дезире (1806 — 1888) — французский литературный критик.

⁶ Буйе, Луи (1822 — 1869) — французский поэт, близкий друг Флобера.

Эмиль Золя

«Эмиль Золя». Портрет работы Эдуара МАНЕ. 1868 г.

шающий весну. Казалось, здесь он у себя дома; было ясно, что каждое утро он приходит сюда подышать свежим воздухом, подобно тому, как другие ходят гулять в ботанический сад. Должно быть, эгоизм этого толстого человечка перерос в уверенность, что он не умрет никогда. Наблюдая, как он разглядывает эпитафии, я подумал об ушедших на покой торговцах, что, выпив утром свою неизменную чашку кофе с молоком, почтывают газету «Век».

Я ждал, когда он уйдет. Я уже не был одинок: пробудились мои воспоминания. Они говорили со мной о моей юности, о том счастливом времени, когда я, охалки книг, бродил по тротуарам моего дорогого Прованса. Спутником моим тогда был Мюссе. Я не выходил на прогулку без томика его стихов. Именно Мюссе научил меня любить и плакать. Поэту я обязан своими первыми горестями и радостями, вечно я буду вспоминать о нем, как о любовнице, что разбила мое сердце, но навсегда осталась в нем.

В жизненной борьбе я постепенно стал пренебрегать другими поэтами, которые все суть ловкие ремесленники или возвышенные безумцы. Но к чему мне искусство, если меня волнует только жизнь? Я люблю Мюссе потому, что он выстрадал каждую свою строфу, люблю потому, что он ни разу не солгал ради полнотворной рифмы. Даже сегодня, охваченный страстью к точному анализу жизни, я, если на меня вдруг повеет юностью, думаю об этом отчаявшемся человеке и повторяю себе, что он был самым живым и самым гуманным гением нашего века.

Такие мысли охватили меня перед прахом поэта. Они стали моим похвальным словом Мюссе. Отойдя в сторону, я заметил, что какая-то женщина в траурной вуалетке поднимается по мягкому склону к могиле. Я поспешил укрыться за соседним памятником.

Женщина в вуалетке шла быстрыми, маленькими шажками. Она была в сером платье, усыпанном черными цветами. Подойдя к могиле, она остановилась, слегка запылавшись от ходьбы. Несколько минут она стояла, не отрывая глаз от медальона с ба-

рельефом поэта. Потом вынула из-под шали пышный букет фиалок и положила на могильную плиту.

И удалась... А я уже не знал, не почудилось ли мне это видение преданной любви. Букет фиалок голубел на мраморе, но, может быть, его принесла сюда весна.

Ах, бедный Мюссе! Если бы в этот светлый и грустный день мая твои уста не сковывал тяжелый перст смерти, то ты нашел бы слова признательности этой женщине, одетой в серое платье, усыпанное черными цветами.

«Эвенман иллюстрирует».
4 мая 1868 г.

Война

Мы, молодые люди, кому не было двадцати в 1859 году, не знаем войны. Тогда мы сидели на школьных скамьях. Страшное это слово — слыша его, матери бледнеют — нам напоминает лишь о свободных от занятий днях.

В наших воспоминаниях вновь встают теплые вечера, когда повсюду на мостовых люди радуются: утром, как дыхание праздника, весть о победе пронеслась над Парижем. И, едва стемнело, лавочки устроили в витринах иллюминацию, мальчишки на улицах начали палить грошowymi петардами. В распахнутых настежь кафе господа пьют пиво и болтают о политике.

А там, в каком-нибудь затерянном уголке Италии или России, лежат на спине мертвецы и смотрят большими безжизненными глазами в небо, где вспыхивают звезды.

Париж распевает песни, а мертвецы кровавыми слезами своих ран оплакивают Францию.

Вспоминаю, как в 1859 году, в день, когда распространилась новость о победе при Маджента³, я, ударив из коллежа, пришел на Сорбоннскую площадь, чтобы все увидеть, самому ощутить лихорадку, охватившую город.

³ 4 июня 1859 года под итальянским городом Маджента франко-пьемонтские войска разбили австрийскую армию.

«Победа! Победа!» — орала толпа каких-то шалопаев.

Что ж, мы учуяли свой свободный от уроков день. А я за этими раскатами смеха, за этими криками расслышал рыдания. Это в глубине своей лавки плакал старый сапожник. У бедняги погибли в Италии два сына.

С тех пор в моей памяти часто слышатся эти рыдания. При каждом шуме о войне, каждый раз, когда я читаю статью какого-нибудь воинственного журналиста или если даже мне говорят, что европейское равновесие под угрозой и необходима кровь, чтобы его восстановить, мне кажется, что старый сапожник — это седовласое олицетворение всего народа — плачет где-то в уголке шумных площадей, охваченных пылким восторгом.

Но гораздо лучше мне помнится другая война — Крымская кампания⁴. Тогда мне шел четырнадцатый год, жил я в глубокой провинции и был так беззаботен, что считал войну всегонавсего бесконечным прохождением войск, шествие которых стало самым увлекательным нашим развлечением.

Через наш южный городок прошли, по-моему, все те, кого империя посылала умирать на Восток. Местная газета заранее сообщала название частей, что должны были проходить через город. Обычно войска уходили в пять утра. С четырех часов мы уже толпились на дворе коллежа; ни один экстерн не пропустил этого события.

Ах, какие они были красавцы — все эти кирасиры, уланы, драгуны, гусары! Но мы питали слабость к кирасирам. Едва всходило солнце и его косые лучи вспыхивали на кирасах, мы, ослепленные и восхищенные, глядели назад, словно перед нами проходила армия посаженных на коней звезд небесных.

Потом трубили горнисты. И армия уходила. Мы бежали вслед за солдатами. Шли за ними по большому покрытому белой пылью дорогам. И музыка играла тогда, благодаря город за гостеприимство. И ясный воздух этого прозрачного утра дышал праздником.

Помню, что так я топал десятками лье. Мы шагали в ногу, а у нас за спиной, словно сумки с патронами, мотались перевязанные ремнем стопки учебников. Нам разрешалось провожать солдат не далее пороховых складов, но мы шли до моста, затем поднимались на холмы, а потом все-таки провожали их до ближайшей деревни.

Когда нас охватывал страх и мы решали остановиться, то забирались на холм и оттуда смотрели, как, вдалеке, в складках равнины, в извивах дороги теряется и исчезает из виду полк, вспыхивая тысячами маленьких отблесков на фоне пылающего горизонта.

В те дни мы не думали о коллеже! Мы «прогуливали». Часто наша «банда» спускалась к реке и там до самого вечера забывала обо всем.

На Юге не слишком жалуют солдат. Я сам видел, как они, плача от усталости и злости, сидят на мостовых, держа в руках квитанции на постой: их не хотели пускать в свои дома буржуа, щепетильные мелкие рантье, толстые богатые торговцы. В дело приходилось вмешиваться властям.

Наш дом был очень приветливым. Моя бабушка родом из департамента Бос с улыбкой

встречала всех этих сынов Севера, которые напоминали ей о родных местах. Она беседовала с ними, спрашивала у них названия их родных мест, и какая для нее была радость, если чья-нибудь деревня оказывалась совсем близко от ее деревни.

Нам прислали двух солдат. Разместить их в доме мы не смогли, мы их устроили на постоянный двор, но они все-таки подверглись маленькому допросу бабушки.

Помню, что однажды к нам пришли двое ее земляков. Этих она пожелала оставить. Она кормила их ужином на кухне. И сама налила им выпить. Я, вернувшись из коллежа, пришел взглянуть на солдат: мне даже казалось, будто это я чокаюсь с ними.

Один был низенький, другой — высокий. Хорошо помню, что в момент ухода глаза высокого наполнились слезами. Он оставил дома старую жену и пылко благодарил бабушку, которая напомнила ему дорогой Бос, все, что осталось на родине.

— Не тревожьтесь! — успокаивала его бабушка. — Вы вернетесь, и вас наградят крестом.

Но он отрицательно покачал головой.

— Ну, ладно! — продолжала она. — Послушайте, если вы снова пройдете здесь, то обязательно навестите меня. Я сберегу для вас бутылочку вина, что вам так понравилось.

Оба несчастных солдата рассмеялись. Это приглашение на мгновение заставило их забыть о страшном будущем, им наверняка представилось, что они вернулись, сидят за столом в нашем гостеприимном доме и пьют за миновавшие опасности.

Сколько же в то время проводил я полков, сколько мертвенно бледных солдат стучались в нашу дверь! Всегда я буду помнить бесконечную процессию этих шедших на смерть мужчин. Иногда, если я смею глаза, она все еще проплывает передо мной, я различаю отдельные лица и спрашиваю себя: «В какой же забытой могиле лежит кто-то из них?»

Потом полки проходили все реже, и однажды мы увидели, как они бредут обратно — искалеченные, кровотокающие, еле передвигающие ноги. Разумеется, этих калек мы уже не ждали и не провожали. Они больше не были нашими прекрасными кирасирами. Теперь они не стоили даже одного пропущенного урока.

Долго тянулось это печальное шествие. Путь армии был усыпан умирающими. Изредка моя бабушка спрашивала:

— Помнишь тех двоих из Боса, неужели они не вернутся?

Но как-то вечером, в сумерках, к нам постучался солдат. Это был тот, низкорослый.

— Товарищ мой погиб, — сказал он, войдя.

Бабушка принесла бутылку.

— Ладно, — сказал он, — придется пить одному.

Сидя за столом, он заметил, что, подняв свой бокал, ищет бокал товарища, чтобы чокнуть; тогда он тяжело вздохнул и прошептал:

— Мне придется сообщить об этом его старухе... Уж лучше бы мне оказаться на его месте.

Будь ты проклята, война, заставляющая Францию проливать слезы! Для меня ты — только шум отъезда и слезы возвращения, но и этого хватит, чтобы возненавидеть тебя!

Видя, как возвращаются наши сыны, выпачканные в крови и грязи, мы издаലെка угадываем весь кошмар, царящий на полях сражений. Неужели правда, что нас снова пошлют на заклание? Неужели народы Севера и Юга не поднимутся и не заявят: «Нет, мы не будем больше сражаться, не будем принимать близко к сердцу ссоры королевских фамилий; и чтобы не стало больше армий, мы их распустим; и чтобы армии больше не сражались за троны, мы эти троны уничтожим!»

Газета «Ля Клош»,
14 июля 1870 г.

С французского.
Перевод Льва ТОКАРЕВА

⁴ Имеется в виду Крымская война 1853 — 1856 годов.

Мир России, 1980,